

лалъ бы быть одинъ. Это — наивный приступъ къ передѣлкѣ на свой ладъ.

Все это крайне характерно для Жуковскаго-поэта; у него чисто женская воспріимчивость, способность возгорѣться у всякаго огня, усваивать и развивать родственныя теченія, образы; онъ самъ знаетъ себѣ цѣну. Въ 1809 году (ему было 26 лѣтъ) онъ говорилъ о задачахъ переводчика, отличая поэта, самостоятельнаго творца, отъ поэта другого рода, живущаго поэтическимъ зараженіемъ, способнаго подражать готовому цѣлому, творца лишь въ подробностяхъ, деталяхъ. Онъ опредѣлилъ себя самъ. Много лѣтъ спустя онъ указалъ этому второстепенному творчеству цѣли, и мы дорожимъ этимъ признаніемъ, оно даетъ намъ мѣру поэта и его значенія въ развитіи нашей лирики. У меня почти все *чужое*, писалъ онъ о себѣ, и все однакожъ *мое*; въ этомъ смыслѣ наклонѣ дней, онъ просилъ у Гоголя палестинскихъ впечатлѣній, чтобы они зажгли въ немъ искру творчества. Но онъ давалъ не только *свое*, но и самого *себя*, потому что процессы его чувства были для него дѣломъ важнымъ, ложились въ основу его міросозерцанія, которымъ онъ дорожилъ. Стремленіе схватить ихъ невыразимость было поэтическимъ актомъ той же искренности; таково впечатлѣніе стиля Жуковскаго тамъ, гдѣ онъ не шалилъ стихомъ, а былъ поэтомъ.

Какъ то разъ, защищая его отъ критиковъ, кн. Вяземскій выразился, что стихъ его можетъ устарѣть, останется — поэзія; я прибавилъ бы: устарѣетъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, останется правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго имъ стиха. Можетъ быть, его поэзія и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довлѣющаго самому себѣ чувства будетъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастьѣ. Когда-то вся природа была мнѣ пѣсней, моя душа поэзіей цвѣла, говорилъ онъ въ посвященіи «Ундины»: